

Ли Жун сохранял внешнее спокойствие, но его пальцы невольно сжались в кулаки, впиваясь ногтями в ладони.

«Я очень нервничаю, — признался он сам себе. — Боюсь, что признания Хэ Даюна не имеют отношения к моим родителям, а окажутся лишь очередным грязным пятном в биографии биотехнологической компании «Сухэ», которое можно замазать деньгами. Если здесь не удастся ничего разузнать, придется начинать всё с чистого листа, а многие догадки рассыплутся в прах»

Хэ Даюн, охваченный мертвенным безразличием к собственной участи, не заметил перемены в состоянии юноши. Тем не менее, прежде чем выложить все карты на стол, он всё же проявил осторожность.

— Если я расскажу вам об этом... вы пообещаете, что не станете привлекать меня к ответственности за участие в этом деле? — спросил директор.

Ли Жун слегка нахмурился.

Хэ Даюн оставался верен себе — даже в момент эмоционального краха он пытался выторговать для себя лазейку.

— Неужели то, что вы собираетесь рассказать, настолько серьезно? — вопросом на вопрос ответил юноша.

Собеседник промолчал, и это молчание стало красноречивым подтверждением.

Ли Жун на мгновение заколебался.

«Если преступление действительно было тяжким, имею ли я право обещать виновному безнаказанность?»

Почувствовав это секундное замешательство, Хэ Даюн уже готов был пойти на попятную. Однако пламя этого порыва было мгновенно потушено.

— Постарайтесь переложить как можно больше вины на биотехнологическую компанию «Сухэ», и я помогу вам выйти сухим из воды, — подал голос Цэнь Сяо.

Он наконец поднялся с места. Звук его шагов по мраморному полу был тяжелым и ритмичным, словно каждый шаг отдавался ударом в сердце директора. Подойдя к Ли Жуну, Цэнь Сяо ободряюще коснулся его спины и добавил с многозначительным подтекстом:

— Помните: во всём виновата корпорация «Сухэ». Мы не станем преследовать того, кого ввели в заблуждение.

Веки юноши дрогнули. Ощувив прикосновение Цэнь Сяо, он окончательно отбросил сомнения.

«Я едва не совершил ошибку, — осознал Ли Жун. — С такими людьми, как Хэ Даюн, не нужно играть по правилам морали — главное выудить информацию»

К счастью, Цэнь Сяо вовремя вмешался. И в прошлой жизни, и в этой он был жестче и беспощаднее Ли Жуна. В деле против Хэ Даюна не стоило обременять себя муками совести.

В глазах директора вспыхнула надежда, а его недавний страх бесследно исчез. Ему не хватало лишь малейшей подачки, призрачного шанса на спасение, и взгляд Цэнь Сяо дал ему эту уверенность. Теперь он жаждал выговориться, стремясь вывалить на них всю подноготную корпорации.

Хэ Даюн глубоко вдохнул и, стиснув зубы, произнес:

— Я ведь с самого начала был в неведении! Даже не придется ничего выдумывать — во всём виновата биотехнологическая компания «Сухэ»!

Ли Жун засунул руку в карман и незаметно нажал кнопку записи на диктофоне, приготовившись внимательно слушать признание.

Пальцы Хэ Даюна нервно теребили пряжку ремня. Он отвел взгляд к окну и, нахмурившись, погрузился в воспоминания:

— Это было примерно в январе прошлого года. Со мной связался президент Чжэн, Чжэн Чжупань. Он поручил мне изготовить партию фальсификата Цзякэтина.

— Цзякэтин? — переспросил Ли Жун.

Это был психологический прием: повторяя слова собеседника, он подталкивал его к более подробному рассказу.

Директор кивнул:

— Да, Цзякэтин. Тот самый препарат для лечения бактериальной прогерии. Эта разработка принесла корпорации огромные деньги. Я не мог понять, зачем им делать подделку на собственное лекарство, ставшее их визитной карточкой. Но Чжэн Чжупань велел мне не совать нос не в свои дела. Я возразил, что без четких технологических карт на разработку аналогичного состава уйдет уйма времени. Но господин Чжэн ответил, что эффективность не

важна. Им нужен был препарат с иным действием.

Хэ Даюн посмотрел на Ли Жуна.

— Ты ведь изучаешь биохимию и должен понимать: знать формулу и уметь создать работающее лекарство — это далеко не одно и то же.

Цэнь Сяо, далекий от тонкостей медицины, бросил взгляд на Ли Жуна. Тот негромко пояснил:

— Да, именно поэтому фармзаводам нужны эксперты по разработкам. Дженерик — это не «пустышка». Если полностью воссоздать процесс производства оригинала, лекарство будет обладать тем же эффектом, но стоит гораздо дешевле. Для обычных людей это настоящее спасение.

Хэ Даюн тяжело вздохнул:

— Как я мог этого не знать? Но то, что мы штамповали в авральном режиме, не могло спасти жизни. Оно могло только вредить. Сначала я подумал, что биотехнологическая компания «Сухэ» недовольна своей долей на рынке и хочет расширить влияние за счет дешевых копий. Но это абсурд: появление бюджетного аналога ударило бы по продажам оригинала. У них не было никаких расчетов, подтверждающих, что прибыль сохранится.

— Они делали это не ради рынка, — отрезал Цэнь Сяо.

Смочив пересохшие губы, Хэ Даюн продолжил:

— Им нужен был именно брак. Заказ был небольшим. Чжэн Чжупань даже запретил делать таблетки белыми и круглыми, как оригинальный Цзякэтин. Он велел покрыть их розовой сахарной оболочкой. Когда я спросил, почему обратились именно ко мне, он не ответил прямо, но я и так всё понял. Фармацевтическая компания «Мэйцзян» находится в глуши, надзор здесь слабый — идеальное место для производства некондиции.

Мужчина горько усмехнулся:

— К тому же моя компания для них — пустой звук. Всю грязную и тяжелую работу свалили на нас, чтобы в случае чего биотехнологическая компания «Сухэ» осталась не при делах.

Поэтому Хэ Даюн и не мог взять в толк, как Исследовательскому институту «Хунсо», а также Первому, Третьему, Четвертому и Девятому районам удалось так точно выйти на него и узнать о его причастности к грязным делам биотехнологической компании «Сухэ». Но сейчас у него не было сил об этом думать.

Цэнь Сяо заметил, что Ли Жун хранит молчание, плотно сжав губы. Он взял инициативу на себя:

— Говорили ли в корпорации, для чего им нужна эта партия фальсификата?

Директор тут же замотал головой:

— Нет! Я же сказал: я для них никто. Я был вынужден заискивать перед ними и исполнять поручения. С тех пор как они спасли меня от банкротства, «Мэйцзян» превратилась в их инструмент для выкачивания денег. А инструмент не спрашивают о целях. На банкетах мы делали вид, что мы одна команда, но я прекрасно знал — они меня ни во что не ставят.

При этих словах лицо Хэ Даюна потемнело еще сильнее. Он прикрыл глаза и добавил с горечью:

— Когда нас оштрафовали за выпуск Цинжуя, я был полон злобы. Столько людей пользовались моими дешевыми лекарствами, но стоило мне оступиться, как все принялись меня поливать грязью. Никто не замолвил за меня словечко. Если они не видели во мне человека, почему я должен был соперничать им? Но сойти с корабля биотехнологическая компания «Сухэ» было уже невозможно. Когда гнев утих, менять что-либо было поздно. Возможно, я отправил сына учиться на биохимика в надежде, что он сможет изменить то, что не удалось мне.

Он действительно таил обиду на корпорацию. Особенно его уязвляло пренебрежительное отношение Чжэн Чжупаня на официальных встречах. Но что мог сделать мелкий провинциальный делец? Ему оставалось только терпеть, натягивать дежурную улыбку и осушать чарку за чаркой.

Внешне он казался успешным, но внутри него всё выгорало.

Даже производство Юаньхэшэна ему навязали в «Сухэ». Корпорация хотела создать себе репутацию благодетелей, радеющих за интересы меньшинств, и призывала отрасль выпускать дженерики сразу после истечения срока патентной защиты оригиналов.

Но этот препарат был слишком специфичным. Он не подходил для большинства психических расстройств, и круг пациентов был крайне узок. Из-за мизерной прибыли многие заводы отказывались от него, и «Сухэ» переложила это «бремя моральной ответственности» на неважную для них компанию в городе Ян.

Поскольку Хэ Даюн и так обязан был ежегодно отдавать корпорации часть доходов, содержание убыточных производственных линий сильно било по бюджету. И тогда Чжэн Чжупань намекнул, что можно сэкономить, работая спустя рукава. Людей, принимающих препарат, мало, вред будет не сразу заметен, а проверки в такую глушь не доедут.

Главное — прибыль, поставляемая корпорации, не должна была пострадать.

У Хэ Даюна не было выбора. Он стал выпускать низкокачественный Юаньхэшэн. Однако он не был законченным мерзавцем — в его душе еще теплились остатки веры. С тех пор как он начал производить этот препарат, его преследовали кошмары. Он до смерти боялся божьего гнева и того, что проклятие падет на его детей.

Тогда он и придумал разделение на «Белую лошадь Юаньхэшэн» и «Серую лошадь Юаньхэшэн». Он надеялся, что собратья по вере поймут этот знак, и тогда на его совести будет меньше грехов.

За годы его амбиции и мечты были растоптаны этой индустрией. Иногда он чувствовал себя марионеткой в руках кукловодов из «Сухэ». Он надеялся, что сын сможет хоть что-то исправить, и он увидит это перед тем, как закроет глаза навсегда.

Ли Жун не хотел слушать его попытки оправдаться. Он холодно прервал затянувшийся монолог:

— Вернемся к Цзякэтину.

Хэ Даюн развел руками:

— Вот и всё. Я изготовил партию некачественного фальсификата и передал её «Сухэ». Чжэн Чжупань забрал все документы и чертежи, приказал демонтировать линию и предупредил, чтобы я держал язык за зубами. Он сказал, что если об этом узнают, меня сотрут в порошок.

Юноша скептически хмыкнул:

— Такой хитрый человек, как вы, не мог не оставить себе путь к отступлению. Что вам удалось разузнать?

Директор на секунду замешкался. Слово «хитрый» резануло слух, но Ли Жун был прав. Он не был дураком и не собирался становиться безмозглой деталью механизма. Он внимательно следил за ситуацией.

Откашлявшись, Хэ Даюн посмотрел сначала на Цэнь Сяо, затем на Ли Жуну и понизил голос:

— Я подкупил одного мелкого фармацевта из «Сухэ», который отвечал за транспортировку. Он проболтался, что эти некачественные лекарства предназначались для Центральной больницы «Цзяцзя». Большого он не знал.

Больница «Цзяцзя». Изначально она была многопрофильной, но после крупных инвестиций и

привлечения зарубежных специалистов её гинекологическое и педиатрическое отделения стали лучшими в городе А.

Ли Жун медленно покачал головой:

— В «Цзяцзя» обращаются в основном женщины и дети. Ваша партия бракованного Цзякэтина предназначалась для них?

Лицо Хэ Даюна исказилось от муки:

— Я не знал, для кого они и как их будут использовать. Это грязное дело, я не хотел в него лезть, но было уже поздно. Если бы в «Сухэ» сразу сказали, что таблетки пойдут в «Цзяцзя», я бы ни за что не согласился.

Цэнь Сяо внезапно нахмурился:

— Январь прошлого года? А когда именно была отправлена партия?

Хэ Даюн ответил без запинки:

— Седьмого апреля. Я отлично помню этот день. Люди из корпорации приехали лично и следили за тем, как я демонтирую оборудование. Не осталось ни единого следа!

Цэнь Сяо бросил на Ли Жуну многозначительный взгляд:

— Апрель.

Ли Жун всё понял. При упоминании больницы «Цзяцзя» его сердце сжалось в ледяной комок.

Первая фаза клинических испытаний Люйиньсюя проходила именно там.

Практически в то же самое время биотехнологическая компания «Сухэ» поставила в «Цзяцзя» партию некачественного Цзякэтина!

<http://bllate.org/book/15351/1500634>